

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVII г.

№ 8

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюко-Вича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 25-го февраля 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 14.

Баядерка. Картина К. Риттера, авт. «Нивы».

Урокъ.

Повѣсть

Бор. Лазаревского.

(Окончаніе).

Спѣлая высокая рожь волновалась до самаго горизонта. И когда по дорогѣ ѣхалъ кто-нибудь изъ крестьянъ, то видно было только дугу и голову человѣка. Но вотъ показались двѣ фигуры, мужская и женская. Всадники приближались, и нельзя было уже сомнѣваться, что это Дина и Брусенцовъ. Сначала они двигались шагомъ, а потомъ вдругъ поскакали совѣмъ близко другъ отъ друга и будто слились въ одинъ силуэтъ.

Константинъ Ивановичъ всталъ и ушелъ во флигель. Когда наступилъ вечеръ, Ольга Павловна позвала его къ себѣ въ комнату и стала подробно разспрашивать объ отцѣ и его болѣзни. Онъ отвѣчалъ неохотно и путался. Это было мучительно, и казалось даже, что въ комнатѣ слишкомъ жарко и дышать нечѣмъ.

Очутившись снова въ паркѣ, Константинъ Ивановичъ сладко вздохнулъ всею грудью, и опять ему захотѣлось до самаго завтрашняго утра не видать людей и не говорить съ ними.

Онъ ушелъ къ пруду и долго сидѣлъ на скамеечкѣ. Вечеромъ сюда рѣдко кто заходилъ. Безъ движенія стало холодно, и отъ сырости иногда пробѣгала по тѣлу дрожь. Слышно было, какъ возлѣ другого берега на водѣ что-то громко булькнуло, будто камень упалъ. Константинъ Ивановичъ нѣсколько минутъ думалъ, отчего бы могъ произойти этотъ звукъ, и не сумѣлъ найти никакого объясненія. Стало не по себѣ. Онъ поднялся и пошелъ къ дому, но не по дорожкѣ, а круговой тропинкой, которую протоптали къ пруду прачки.

Свѣтилось слѣва на балконѣ и съ другого конца въ крайнемъ окнѣ. Бѣлыя стѣны казались темно-голубыми. Константинъ Ивановичъ медленно шелъ и думалъ:

„Какая сейчасъ чудесная декорація, и освѣщеніе таинственное, и въ воздухѣ носится дыханіе тысячи деревьевъ.“

„И для кого это все? Для крестьянъ, которымъ нѣтъ времени объ этомъ думать. Или для барышень? У нихъ есть время, но все это имъ приглядѣлось уже, да и врядъ ли когда-нибудь ихъ интересовало.“

„Если какую-нибудь Лушу или Соломонидку сводить въ оперу, то ей тамъ несомнѣнно понравится, хотя и музыки она не понимаетъ, и на всю жизнь у нея останется впечатлѣніе, что театръ—это мѣсто, гдѣ люди развлекаются. Здѣсь, въ деревнѣ, декораціи много лучше театральныя, а вмѣсто игры артистовъ—сама дѣйствительность, и, тѣмъ не менѣе, и Динѣ и Леночкѣ, когда онѣ пріѣзжаютъ сюда изъ города, также кажется, что Знаменское—это мѣсто, гдѣ можно и слѣдуетъ только развлекаться. Въ глубокомъ смыслѣ той работы, которая происходитъ тамъ въ избахъ и на поляхъ, принадлежащихъ Орѣховымъ, Дина и Леночка такъ же мало понимаютъ, какъ и Луша въ музыкѣ Гуно. И когда Кальнишевскій говорилъ о пустотѣ жизни Дины и о ея будущемъ, то былъ правъ, безпоощадно правъ! И не стоитъ она того, чтобы изъ-за нея волноваться и дѣлать глупости. И нѣтъ, и не будетъ у нея больше власти надо мною...“

Возлѣ освѣщеннаго окна Константинъ Ивановичъ машинально остановился. Оно было закрыто парусиновой шторкой, чуть загнувшейся на углу, у подоконника. Въ этомъ свѣтломъ треугольникѣ нѣсколько разъ мелькнуло что-то похожее на тѣло и затѣмъ бѣлое съ кружевомъ. Сдѣлавъ почти безсознательно еще два шага впередъ, онъ ясно увидѣлъ стоящую передъ комодомъ въ одной сорочкѣ Дину. И неизвѣстная, огромная сила не пустила Константина Ивановича уйти, и ея не могли поборотъ ни разуудокъ, ни воля.

„Вѣдь въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ...“ — мелькало въ головѣ.

Чуть нагнувшись надъ зеркаломъ, Дина въ лѣвой обнаженной рукѣ держала баночку съ кольдъ-кремомъ, а правой медленно намазывала маленькій прыщикъ надъ бровью. Иногда она наклонялась на бокъ, и тогда сорочка сползала съ плеча и открывала одну ея остроконечную, матовую, на диво очерченную грудь. Покончивъ съ кольдъ-кремомъ, Дина сдѣлала изъ бумаги свертокъ, отчесала одну прядь волосъ и стала ее закручивать.

Константинъ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ легкую дурноту, а потомъ сухость въ горлѣ и необходимость сейчасъ же, немедленно, напиться воды.

Сдѣлавъ огромное усиліе, онъ отдернулся отъ окна, прошелъ черезъ калитку во дворъ и подбѣжалъ къ бочкѣ, стоявшей противъ дверей кухни. Онъ открылъ кранъ, нѣсколько разъ глотнулъ и поперхнулся, потомъ поставилъ подъ струю всю голову. Вода полилась за воротникъ, и все тѣло передернулось отъ холода. Закрывъ кранъ, онъ вытянулся во весь ростъ и вздохнулъ. Стало совѣмъ хорошо. Билось только сильно и неровно сердце: такъ-такъ, такъ-такъ...

— На ночь умываетесь, баринъ?—раздался съ крыльца кухни голосъ Клима.

— Да...

Разговаривать съ Климомъ не хотѣлось, и Константинъ Ивановичъ снова, быстрой походкой и немного задыхаясь, ушелъ въ паркъ. Онъ искоса поглядѣлъ на окно Дины и, увидѣвъ, что оно уже темно, почувствовалъ, какъ на душѣ зашевелилась радость, а за ней досада. Сейчасъ же утихло и сердцебиеніе.

Первое чувство говорило: „соблазна уже нѣтъ, и ты не украдешь того, на что не имѣешь права“, а второе точно напѣвало: „ужасно жаль, ужасно жаль...“ И еще кто-то говорилъ: „права тутъ нѣтъ никакого, а только одна красота, и глядѣть на нее, не желая взять, — не стыдно. И цвѣтокъ, и Дина—кусочки природы, вызванные къ жизни только ею, и уйдутъ они изъ жизни только по волѣ той же природы... А тѣ правила и права, которыя люди изобрѣли, чтобы имъ было удобнѣе существовать,—здѣсь ни при чемъ, рѣшительно ни при чемъ...“

На балконѣ еще свѣтилось. Слышно было, какъ кто-то мѣшалъ въ стаканѣ ложечкой. Отрывисто раздавались человѣческіе голоса. Голосъ Брусенцова отчетливо и съ досадой прокричалъ:

— Какое вы имѣете право козырять? Я вамъ даю двойку трефъ, въ то время, когда играющій ихъ не раздаетъ... Да понимаете ли, что этимъ самымъ вы дали батошкѣ выиграть всю игру!..

Когда уже не было видно огней и замолкли голоса, Константинъ Ивановичъ остановился среди аллеи и зажегъ спичку. Шагахъ въ пятнадцать виднѣлся садовый диванчикъ, онъ дошелъ до него и сѣлъ. Спичка потухла. Казалось, что вокругъ нѣтъ темноты, а глаза потеряли способность видѣть, и только минутъ черезъ пять можно было различить, что рядъ близко стоящихъ другъ отъ друга стволовъ темнѣе, чѣмъ дорожка.

И опять думалось и хотѣлось разрѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли считать людей кусочками природы, а ихъ поступки явленіями, обусловленными причинами, находящимися въ тайникахъ этой природы, или люди и ихъ дѣйствія составляютъ особый міръ, подчиняющійся природѣ только отчасти.

„Какъ отчасти, если потомъ—смерть, и въ ней все кон-

чено?“, — подумалъ Константинъ Ивановичъ и больше ничего не могъ себѣ отвѣтить.

И вдругъ выросло убѣжденіе, что на мучившій его вопросъ не въ состояніи отвѣтить ни Кальнишевскій, ни писатели, ни философы. И профессоръ, читающій основы біологіи, знаетъ объ этомъ не больше, чѣмъ Луша, которую Дина поила водкой. И для людей, которые будутъ жить черезъ сто лѣтъ, вопросъ этотъ останется такимъ же темнымъ, а ихъ попытки его разрѣшить будутъ похожи на попытки слѣпого узнать цвѣтъ молога.

И еще представлялось, что если бы люди вдругъ узнали, что они такое среди всего существующаго, то и жизнь ихъ стала бы иною, и многія понятія сейчасъ бы уничтожились, какъ уничтожилось убѣжденіе, что „природа не терпитъ пустоты“, послѣ того, какъ было доказано, что воздухъ имѣетъ вѣсъ.

Но въ его личныхъ знаніяхъ сегодня прибавилось новое и важное, — навѣрное стало извѣстно и понятно, что въ Динѣ ему нравилась одна только ея вѣшность и одно ея тѣло, и только поэтому такъ страстно мечталось о счастіи быть ея мужемъ.

Когда Константинъ Ивановичъ вошелъ во флигель, Кальнишевскій уже спалъ и сильно храпѣлъ. На столѣ яркимъ пламенемъ трепеталъ огонь свѣчи, догорѣвшей до самой бумажки, которою она была подвернута.

Онъ потянулъ огарокъ, зажегъ другую цѣлую свѣчу и медленно, по временамъ почесываясь, сталъ раздѣваться. Снявъ рубаху, онъ долго смотрѣлъ на ея все еще мокрый воротникъ.

XXI.

На другой день Константинъ Ивановичъ проснулся позже Кальнишевскаго, который уже сидѣлъ передъ кругленькимъ зеркальцемъ и брился.

— Удивительный домъ, — сказалъ Кальнишевскій: — чорта въ ступѣ можно найти, только не кусокъ газетной бумаги. Бреешься, и нужно вытирать мыло о собственный палецъ и каждый разъ вставать, чтобы сбросить это мыло въ тазъ. Я уже хотѣлъ пустить въ дѣло твою сорочку, но потомъ подумалъ, что, можетъ-быть, ты ее еще надѣнешь. Почему это у тебя вся манишка желтая? Неужели такъ вспотѣлъ?

— Да.

— Удивительно. Кажись, вчера и день былъ сѣренькій. Жаркій, братъ, у тебя темпераментъ.

Константинъ Ивановичъ сѣлъ на кровати, потомъ бо-сикомъ подбѣжалъ къ своему чемодану и молча началъ доставать чистое бѣлье.

— Ну, что же, ѣдешь сегодня? — спросилъ Кальнишевскій, не оборачиваясь.

— Буду.

— Это рѣшено и подписано?

— Рѣшено и подписано.

— И отлично. У нихъ, братъ, такъ: или пользу приноси, или развлекай, а отъ тебя ни того, ни другого.

Кальнишевскій сложилъ бритвенный приборъ, надѣлъ тужурку и пошелъ въ большой домъ пить кофе. Скоро пошелъ за нимъ и Константинъ Ивановичъ.

За столомъ все было, какъ и четыре мѣсяца назадъ, какъ и вчера, и третьяго дня: только-что испеченныя булочки, масло, домашняя ветчина, холодныя сливки, и люди сидѣли тѣ же самые, и Дина была такая же красивая и здоровая, какъ всегда, и... будто чужое все это уже было. И ушамъ непріятно было слушать ихъ голоса.

Константинъ Ивановичъ все ждалъ, что кто-нибудь замѣтитъ его тяжелое настроеніе и захочетъ выразить свое сочувствіе. Но никто ничего не замѣтилъ и сочувствія никакого не выразилъ, и не спросилъ, когда и почему онъ уѣзжаетъ.

Кальнишевскій, съ хмурымъ лицомъ, пошелъ заниматься съ барышнями.

Нужно было узнать точно, когда отходить вечерній поѣздъ, и попросить лошадей. Ольга Павловна сдѣлала удивленное лицо, какъ будто услышала объ этомъ въ первый разъ. Но потомъ закивала головой, грустно улынулась и сказала, что поѣздъ уходитъ въ полночь, и выѣзжать нужно часовъ въ восемь вечера. На станцію его повезетъ въ шарабанѣ Климы, а запрягутъ Арабчика.

— Главное, не волнуйтесь: старые люди, когда болѣютъ, — обыкновенно бываютъ очень мнительны.

— Да я владѣю собой хорошо, — отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ и сильно покраснѣлъ.

Потомъ онъ пошелъ во флигель и уложился.

Вдумываясь въ свое настроеніе, онъ не понималъ его. Слѣдовало бы волноваться и тосковать, между тѣмъ на душѣ было пусто и равнодушно. Посидѣвъ еще возлѣ стола, Константинъ Ивановичъ надѣлъ фуражку и медленно направился по аллеѣ къ пруду, на свою любимую скамеечку.

И надъ водой, и надъ всѣмъ паркомъ нависла тишина, точно передъ грозой. Слышно было, какъ на балконѣ побрякивала ножами и вилками накрывавшая на столъ Анюта.

Стволы березъ, листья и поверхность пруда были одинаково неподвижны. Быстро перебирая лапками, проползъ по шероховатой корѣ старой ивы дятель, повернулъ головку направо, налѣво, вздрогнулъ и вдругъ сорвался и улетѣлъ въ чащу. Гдѣ-то за деревьями звонко застучалъ валежъ, и на томъ берегу эхо повторяло, такъ же звонко, каждый ударъ. По водѣ поплыли медленно огромные круги, до самаго тростника.

Удары валька смолкли. А потомъ женскій голосъ проговорилъ, точно пропѣлъ:

— Иди, иди, милая, ноженьками ступай. Да, золотой ты мой, принеси матери свою рубашоночку... Да кто же это тебя, дитятко, надоумилъ?..

Валежъ снова застучалъ, и голоса уже не было слышно.

„И отчего этотъ голосъ, и прудъ, и деревья — точно родные мнѣ, точно я гдѣ-то все это уже видѣлъ, — думалъ Константинъ Ивановичъ. — Всѣ мои предки, вѣроятно, родились и выросли среди такой же обстановки. А на самомъ дѣлѣ я здѣсь совсѣмъ чужой, и это положеніе унижительно, до слезъ унижительно. Все отдалъ и ничего не получилъ“.

Когда онъ снова подходилъ къ дому, то въ головѣ была только одна мысль:

„Скорѣ бы вечеръ, скорѣ бы уѣхать“.

Парило. Птицы молчали. Пахло цвѣтами, и нельзя было разобрать — какими, точно увидшимъ сномъ.

Возлѣ открытаго окна Дины онъ на минуту остановился. Сухая вѣтка подъ ногами хрустнула.

— Кто здѣсь? — спросила Дина и выглянула.

— Я, — отвѣтилъ онъ и почувствовалъ, какъ его что-то дернуло за самое сердце.

— Вы когда ѣдете, съ курьерскимъ или съ почтовымъ?

— Съ почтовымъ.

— Ну, желаю вамъ всего, всего хорошаго, — и ея головка опять спряталась.

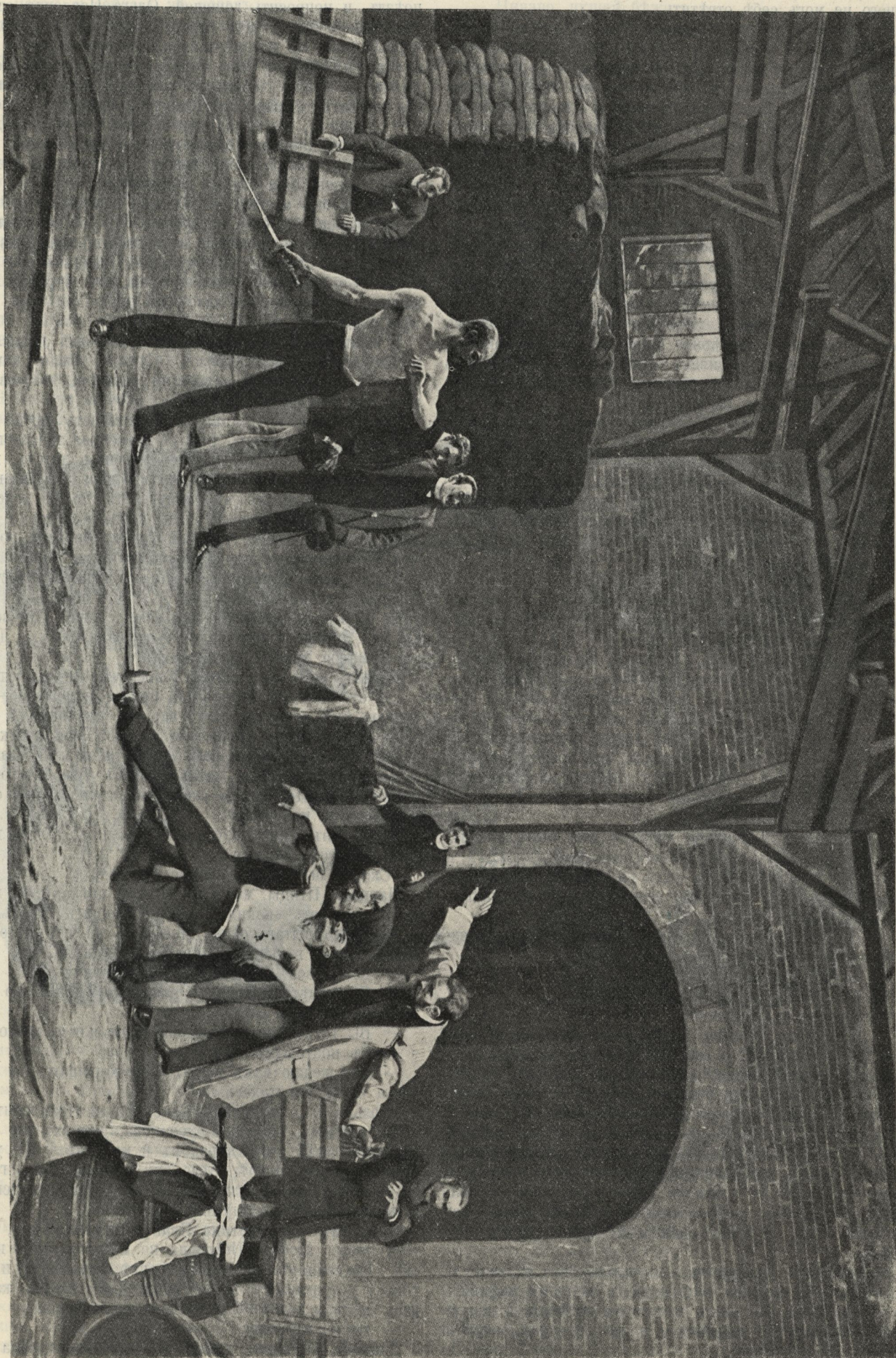
„Только-то“, — подумалъ Константинъ Ивановичъ.

За обѣдомъ, кромѣ Брусенцова, чужихъ не было. Кальнишевскій сидѣлъ рядомъ и молчалъ, лицо у него было грустное. Послѣ обѣда они вдвоемъ долго гуляли, но говорили мало. Казалось, что все уже было сказано и понято. Вечеръ наступилъ незамѣтно.

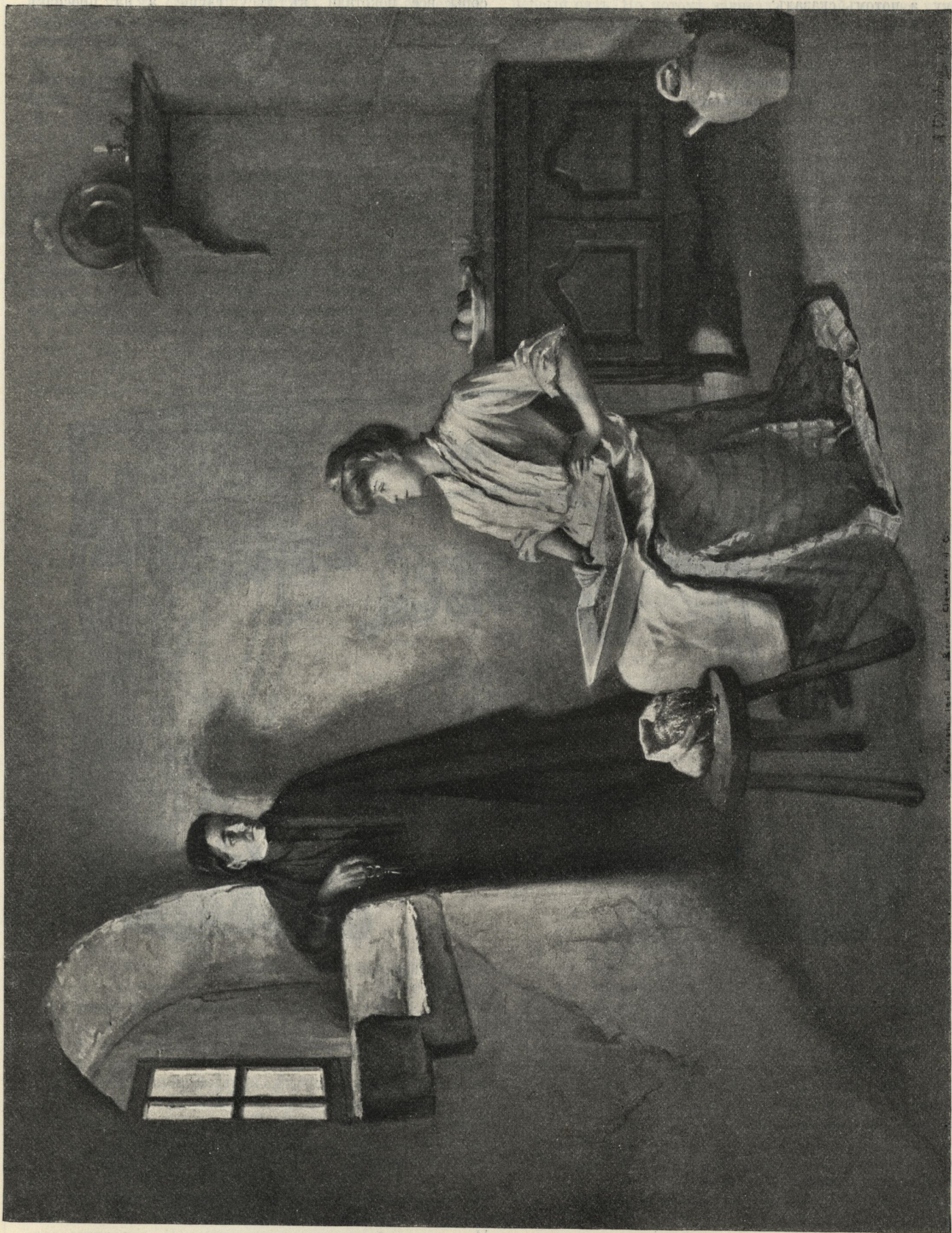
Провожать Константина Ивановича вышли всѣ, кромѣ тети Лизы. Любовь Петровна не могла устоять на мѣстѣ. Брусенцовъ держалъ въ рукѣ соломинку и потихоньку дотрогивался ею до щеки Дины. А она каждый разъ дергала головкой и ласково произносила:

— Ну, не ну-ужно...

Леночка, вытянувъ губы, что-то насвистывала и топала себѣ въ тактъ ногой, Ольга Павловна щурилась и говорила Климу:

Дуэль. Картина Темля, авт. «Нивы».

Отборка жемчуга. Картина А. Оппенгейма, арт. «Нивы».

— Ночуй у Соловьи, а завтра обожди, пока раздадут почту, и сейчас же назад.

Вышел и Степанъ Васильевичъ и крѣпко пожалъ руку, а потомъ сказалъ:

— Весьма возможно, что у вашего батюшки только невралгія, помните это и не волнуйтесь.

Дина и Леночка еще разъ пожелали:

— Всего, всего хорошаго.

Съ Кальнишевскимъ простились горячо, но молча. Онъ только тряхнулъ головой, точно хотѣлъ сказать:

„Хорошо, братъ, дѣлаешь, что уѣзжаешь“.

Арабчикъ взялъ сразу и полетѣлъ. Черезъ двѣ минуты колеса уже прогремѣли по мостику на плотинѣ. Отъ пруда пахло влагой и тепломъ, а когда выѣхали на дорогу, то стало даже какъ будто холодно. Скоро и стемнѣло. Отъ сидѣвшаго рядомъ Клима разило водочнымъ перегаромъ. Онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ударилъ рысакъ кнутомъ. Константина Ивановича дернуло назадъ такъ, что чуть не слетѣла фуражка.

„Какъ бы не опрокинулъ“, — подумалъ онъ и спросилъ:

— А лошадь дорогу видитъ?

— Извѣстно, видѣть, — отвѣтилъ Клима и опять ударилъ кнутомъ.

— Ну, зачѣмъ ты, право?

— Ничаво, пушай бѣжить...

Думалось о многомъ, и время шло незамѣтно. Ресоры все рокотали, въ лѣсу глуше, а на проселкѣ звучно. Пахло экипажной кожей и лошадинымъ потомъ. Когда впереди показались зеленые огоньки станціи, Клима, ни съ того, ни съ сего, сказалъ:

— У насъ, которые господа настоящіе бываютъ, такъ на чай цалковыхъ по два, а то и по три даютъ, когда отвезешь.

— Ну, а ты вмѣсто чая больше водку пьешь?

— Какъ можно-съ...

— А я тебѣ все-таки дамъ полтинникъ.

— Воля ваша. Господинъ Брусенцовъ, какъ бывало со старшей барышней верхомъ поѣдутъ, такъ я только лошадей имъ возлѣ лѣсу поддержку, и то потомъ зелененькой бумажкой награждаютъ...

На душѣ у Константина Ивановича что-то застонало, и онъ обрадовался, когда вошелъ въ грязное залѣце станціи. Поѣзда пришлось ждать долго. Ночь наступила теплая. Надъ лѣсомъ изрѣдка мигала зарница.

КОНЕЦЪ.

«Она дала мнѣ слово танцовать
На завтрашнемъ балу со мною, если
Я красную добуду розу ей.
Но у меня въ саду нѣтъ красной розы!»
Такъ молодой ученый восклицалъ, —
И вопль его отчаянный услышалъ
Въ своемъ гнѣздѣ сидѣвшій соловей
Раздвинувъ онъ густые листья дуба,
Смотрѣлъ и удивлялся...

«Ни одной

Во всемъ моемъ саду нѣтъ красной розы! —
Съ горячими слезами восклицалъ
Ученый мужъ. — Ахъ, отъ какихъ ничтожныхъ
Причинъ порой зависитъ счастье! Я
Все прочиталъ, что было мудрецами
Написано; всѣхъ философскихъ тайнъ
Я господинъ — и вотъ изъ-за единой,

Единой красной розы, жизнь моя
Разбита вся!»

— «Ну, наконецъ я вижу

Передъ собой, — промолвилъ соловей, —
Дѣйствительно влюбленнаго. Ужъ сколько
Ночей подъ рядъ я пѣлъ о немъ, хотя
Не зналъ его, не видѣлъ; ночь за ночью
Я про него рассказывалъ звѣздамъ —
И вотъ онъ предо мною. Волоса
Его темны, какъ листья гіацинта;
Уста его румяны, какъ цвѣтокъ,
Котораго онъ всюду жадно ищетъ
Но страстная любовь его лицо
Содѣлала блѣднѣй слоновой кости,
И злая скорбь на юное чело
Печать свою жестоко наложила...»

«Принцъ завтра балъ дастъ въ своемъ дворцѣ, —

*) Эта сказка написана въ подлинникѣ прозой, но она такъ поэтична, что я предпочелъ перевести ее стихами.

Межъ тѣмъ шепталъ взволнованный ученый, —
И милая моя приглашена.
Коль красную я ей добуду розу,
Она со мною будетъ танцовать
До самаго разсвѣта. Только-бъ розу
Мнѣ красную найти — и стань ея
Покоиться въ моихъ объятяхъ будетъ,
Ея рука — лежать въ моей рукѣ
И голова мнѣ на плечо склоняться.
Но красныхъ розъ во всемъ моемъ саду
Нѣтъ ни одной — и буду я печально
Сидѣть одинъ на балѣ и смотрѣть,
Какъ носится она съ другими въ танцахъ,
Меня не замѣчая, и отъ мукъ
Въ моей груди должно разбиться сердце!..»
«Да, это вотъ, — подумалъ соловей, —
Дѣйствительно любовь. О чемъ я въ пѣсняхъ
Своихъ пою, тѣмъ страждетъ, бѣдный, онъ.
Что радость мнѣ, то для него мученье!..
По истинѣ любовь — чудная вещь.
Она цѣннѣй рѣдчайшихъ изумрудовъ,
Дороже самопѣвныхъ жемчуговъ.
Ее ни за какіе брилліанты
Нельзя купить, ни у какихъ купцовъ
Она не продается, и не взвѣсишь
Ея цѣны ни на какихъ вѣсахъ».
А молодой ученый горько плачетъ
И говоритъ: «Я вижу балъ... Огни...
Гремитъ оркестръ... И милая танцуетъ
Подъ звуки арфы и скрипокъ — такъ легко,
Что ножками едва-едва паркета
Касается... А вокругъ нея толпа
Разряженныхъ придворныхъ... Но со мною
Она, увы, не будетъ танцовать:
Я для нея не добылъ красной розы!»
И на траву упавши, долго онъ
Безпомощно рыдалъ...

«О чемъ онъ плачетъ?» —

Спросила, пробѣгая близъ него,
Молоденькая ящерица.

— «Странно!

О чемъ онъ плачетъ?» — крикнулъ мотылекъ,
За солнечнымъ лучомъ рѣзво гоняясь.
«О чемъ онъ плачетъ?» — василекъ, дивясь,
Шепнулъ своей сосѣдкѣ маргариткѣ.
«Онъ изъ-за красной розы плачетъ», — имъ
Отвѣтилъ соловей.

— «Какъ! Изъ-за розы!

Всѣ разомъ закричали, — вотъ-то смѣхъ!»
А маленькая ящерица-цинкиъ
Отъ хохота совсѣмъ надорвалась.
Но соловей — онъ понялъ тайну скорби
Ученаго, и долго онъ сидѣлъ
Въ своемъ гнѣздѣ, весь погруженный въ думы
О таинствѣ любви... Но вдругъ онъ всталъ,
Стремительно свои расправилъ крылья
И полетѣлъ...

Какъ тѣнь, пронесся онъ

Черезъ темный боръ, какъ тѣнь, проплылъ надъ садомъ
И, глядя внизъ, увидѣлъ въ цвѣтницѣ
Кустъ розовый въ новорожденныхъ почкахъ.
Къ нему спѣшитъ спуститься соловей
И молить онъ: «Дай красную мнѣ розу,
И за нее я пропою тебѣ
Сладчайшую изъ соловьиныхъ пѣсенъ».
Но, жалостно качая головой,
Кустъ отвѣчалъ: «Мои всѣ розы бѣлы,
Бѣлѣй, чѣмъ снѣгъ на высахъ горъ, бѣлѣй,
Чѣмъ пѣна волнъ... Но въ двухъ шагахъ отсюда,
У солнечныхъ часовъ, растетъ мой братъ;
Быть-можетъ, тамъ найдешь, чего ты ищешь».
На новый кустъ помчался соловей

И молить онъ: «Дай красную мнѣ розу,
И за нее я пропою тебѣ
Сладчайшую изъ соловьиныхъ пѣсенъ».
Но, жалостно качая головой,
Кустъ отвѣчалъ: «Мои всѣ розы желты,
Желтѣй волосъ русалки молодой,
Сидящей на своемъ янтарномъ тронѣ,
Желтѣе, чѣмъ колосъ на лугу,
Когда до нихъ еще не прикоснулась
Рука жнеца. Но тутъ невдалекѣ
Растетъ мой братъ; растетъ онъ подъ окошкомъ
Ученаго. Быть-можетъ, у него
Ты и найдешь, чего желаешь». Быстро
На новый кустъ несется соловей
И молить онъ: «Дай красную мнѣ розу,
И за нее я пропою тебѣ
Сладчайшую изъ соловьиныхъ пѣсенъ».
Но, жалостно качая головой,
Кустъ отвѣчалъ: «Мои-то розы красны,
Краснѣ лапокъ горлицы, краснѣй
Коралловыхъ вѣтвей въ пещерахъ моря;
Но кровь мою оледенилъ морозъ,
Цвѣты мои убиты зимней стужей
Въ зародышѣ, и на моихъ вѣтвяхъ
Изломанныхъ, изсохшихъ розъ не будетъ
Весь этотъ годъ».

— «Но, — крикнулъ соловей

Съ отчаяньемъ, — вѣдь мнѣ одна лишь роза,
Одна необходима! Неужли
Ее добыть нѣтъ никакого средства?»
— «Есть средство, — кустъ отвѣтилъ, — но оно,
Мой милый другъ, такъ страшно, такъ жестоко,
Что я боюсь сказать тебѣ...»

— «Скажи!

Что-бъ ни было, я все готовъ исполнить».

— «Добыть себѣ ту розу можешь-ты,
Самъ сотворивъ ее своею пѣсню
При свѣтѣ лунной ночи и ее
Окрасивши своей сердечной кровью.
Ты долженъ пѣть, прижавши крѣпко грудь
Къ моимъ шипамъ; всю ночь безъ перерыва
Ты долженъ пѣть, пока мои шипы
Тебѣ насквозь не прободаютъ сердца
И кровь его прольется въ жилы мнѣ,
Чтобъ сдѣлаться моею кровью».

— «Плата

Жестокая! — воскликнулъ соловей: —
За розу — смерть! Вѣдь жизнь такое благо
Великое! Такъ сладостно сидѣть
Въ лѣсной тиши, мечтать, слѣдя глазами
За солнцемъ въ колесницѣ золотой
И за луной въ жемчужной колесницѣ!
Вдыхать въ себя вечерній ароматъ
Весеннихъ травъ, внимать ручьевъ журчанью,
Зеленыхъ листьевъ шелесту!.. Но Любовь
Цѣннѣй, чѣмъ Жизнь. Что значить сердце птицы
Въ сравненіи съ человѣческимъ!»

И онъ

Вновь крылышки расправилъ и понесся
По воздуху. Какъ тѣнь, опять проплылъ
Надъ садомъ онъ, какъ тѣнь, промчался снова
Черезъ темный боръ...

Ученый все еще

Лежалъ въ травѣ на томъ же самомъ мѣстѣ,
И все еще не высохли глаза
Отъ горькихъ слезъ... И вдругъ онъ слышитъ голосъ:
«Возрадуйся! Получишь розу ты:
Я сотворю ее своею пѣсню
При свѣтѣ лунной ночи и ее
Окрашу я своей сердечной кровью.
А для себя въ награду одного
Я попрошу — чтобъ любящимъ глубоко

Остатки послѣ зимовки. Картина А. Борисова, авт. «Нивы».

До гроба оставался ты. Любовь
Мудрѣ философи, мощнѣ
Могущества. Въ цвѣтѣ яркаго огня
Окрашены ея благія крылья,
Ея уста—пчелиный сладкій медъ,
Дыханіе ея благоуханнѣй,
Чѣмъ ониміамъ...»

Ученый смотреть вверхъ

И слушаетъ; но соловьиной рѣчи,
Невѣдомой ему, никакъ понять
Не можетъ онъ,—онъ, понимавшій только
Написанное въ книгахъ. Понялъ все
Лишь старый дубъ, и загрустилъ... Душевно
Сроднился онъ съ плѣнительнымъ пѣвцомъ,
Въ его вѣтвяхъ пріютъ укромный свившимъ.
«Спой пѣсню мнѣ послѣднюю свою,—
Онъ прошепталъ,—я страшно одинокимъ
Почувствую себя, когда уйдешь
Ты отъ меня». И на прощанье дубу
Спѣлъ соловей, и голосъ соловья
Звучалъ въ вѣтвяхъ, какъ водяная струйка,
Бѣгущая въ серебряный сосудъ...
Ученый всталъ, взялъ записную книжку
Съ карандашомъ и, проходя домой
Тѣнистою дорогой, самъ съ собою
Соображалъ: «Что этотъ соловей
Есть существо, имѣющее форму
Тѣлесную—безспорно. Но вопросъ:
Имѣетъ ли онъ точно также чувство?
Боюсь, что нѣтъ. По мнѣнью моему,
Онъ большинству художниковъ подобенъ:
Весь—только стиль; душевной теплоты
Нѣтъ и слѣда; собою за другого
Онъ жертвовать не станетъ; объ одномъ
Онъ думаетъ, заботится—о пѣньѣ;
А всякому извѣстно, что пѣвцы,
Какъ вообще артисты—эгоисты.
Конечно, я не стану отрицать,
Что въ голосѣ у этой птицы много
Прекрасныхъ нотъ. Но очень, очень жаль,
Что никакихъ практическихъ стремлений,
Практическихъ идей нельзя найти
У этихъ всѣхъ художниковъ...»

Ученый

Пришелъ домой, улегся на кровать,
Задумался глубоко о несчастной
Своей любви и, наконецъ,—заснулъ.

Взошла луна. Пѣвецъ, готовый къ жертвѣ,
Слетѣлъ на кустъ и крѣпко грудь прижалъ
Къ его шипамъ. Всю ночь онъ пѣлъ, прижавшись
Къ ихъ остриямъ,—и съ горней высоты
Внималъ ему холодный, блѣдный мѣсяцъ.
Всю ночь онъ пѣлъ—и въ грудь его шипы
Вонзались все глубже, глубже... Струйкой
Пурпурною уже сочились кровь
Изъ раненаго тѣла... Пѣлъ сначала
Онъ о любви двухъ юныхъ чистыхъ душъ—
И вотъ въ кустѣ, на самой верхней вѣткѣ,
Листъ за листомъ, какъ пѣснь смѣняла пѣснь,
Слагается чудеснѣйшая роза—
Сперва блѣдна, какъ небо предъ зарей,
Какъ пелена тумана надъ рѣкою...
А кустъ межъ тѣмъ торопитъ соловья:
«Соловушка, жмись крѣпче, крѣпче грудью
Къ моимъ шипамъ, чтобъ до разсвѣта дня
Во всей красѣ расцвѣсть успѣла роза!»
И соловей все крѣпче прижималъ
Грудь къ остриямъ, и все полнѣе, громче
Звучала пѣснь: теперь онъ пѣлъ о томъ,
Какъ въ чистую любовь двухъ душъ невинныхъ) . . .
Ворвалась страсть бушующей волной...

И вдругъ слегка зардѣлись листья розы,
Какъ первымъ поцѣлуемъ жениха
Румянятся невесты юной щеки...
Но не дошли до сердца соловья
Еще шипы—и сердце розы было
Попрежнему безцвѣтно: только кровь
Изъ сердца соловьиного могла
Въ пурпурный цвѣтъ окрасить сердце розы.
И снова кустъ торопитъ соловья:
«Соловушка, жмись крѣпче, крѣпче грудью
Къ моимъ шипамъ, чтобъ до разсвѣта дня
Во всей красѣ расцвѣсть успѣла роза!»
И соловей все крѣпче прижималъ
Грудь къ остриямъ—и, наконецъ, до сердца
Дошли они, и раненый пѣвецъ
Затрепеталъ отъ смертоносной боли.
Мучительно извить его она,
И все страстнѣй, съ какой-то дикой силой
Несется пѣснь: теперь онъ пѣлъ, что Смерть—
Вѣнецъ Любви, что смерти и въ могилѣ
Нѣтъ для любви... А роза между тѣмъ
Вся облеклась въ пурпурную одежду,
И посреди пурпурныхъ лепестковъ,
Какъ огненный рубинъ, сверкало сердце...
Но голосъ соловья слабѣлъ, слабѣлъ,
И крылышки болѣзненно забились,
И гаснулъ взоръ... Вдругъ въ горлѣ точно струны
Оборвались, и вылетѣлъ изъ нихъ
Послѣдній звукъ, невыразимо чудный...
Услышала предсмертный крикъ луна
И поплыла въ задумчивой печали.
Услышала и роза—и ее
Всю охватило восторга сладкій трепетъ,
И радостно тянулись лепестки
Къ встававшему холодному разсвѣту.
Услышало и эхо дивный звукъ,
И понесло его въ свои пещеры
Далекия. Услышала рѣка
И, подхвативъ, помчала быстро въ море...
«Смотри, смотри!—кустъ крикнулъ соловью,—
И радуйся! Вполнѣ готова роза!»
Но не было отвѣта: подъ кустомъ,
Въ травѣ лежалъ мертвецъ съ шипами въ сердцѣ...

Въ полдневный часъ ученый отворилъ
Свое окно и выглянулъ. «Что это!—
Воскликнулъ онъ:—не вѣрю я глазамъ!
Тутъ волшебство! Иначе красной розѣ
Откуда бы явиться? Въ жизни я
До этихъ поръ такой чудесной розы
Не находилъ. Такъ хороша она,
Что есть у ней безъ всякаго сомнѣнья
Латинское названіе». Затѣмъ
Онъ, наклонясь, сорвалъ цвѣтокъ желанный
И съ нимъ въ рукѣ стрѣлой помчался въ домъ
Профессора. Профессорская дочка
Сидѣла на балконѣ за шитьемъ,
Съ любимой собачкой, почивавшей
У ногъ ея.

«Вы обѣщали мнѣ,—

Ужъ подходя, кричалъ ученый:—если
Вамъ красную добуду розу я,
Со мною танцевать. Вотъ эта роза!
Краснѣй ея, хоть обойдите свѣтъ,
Вамъ не найти. Ее вы приколите
Къ себѣ на грудь, и будетъ вамъ она
Сегодня въ танцахъ говорить, какъ сильно
Я васъ люблю».

Но барышня ему,

Нахмурившись, отвѣтила: «Напрасно
Старались вы; къ костюму моему
Не подойдетъ, я вижу, ваша роза.

Августа-Викторія, императрица германская. (Съ портрета работы Витторіо Коркоса).

Нъ серебряной свадьбѣ германской императорской четы.

Вильгельмъ II, императоръ германскій. (Съ портрета работы Витторіо Коркёса).
Къ серебряной свадьбѣ германской императорской четы.

Притомъ, кузень посланника прислалъ
Мнѣ нѣсколько брильянтовъ, а надѣюсь,
Извѣстно вамъ, что цѣнится брильянтъ
Дороже розъ».

— «О, вотъ неблагодарность
Постыдная!»—воскликнулъ гнѣвно онъ
И выбросилъ съ негодованьемъ розу
На улицу, гдѣ проѣзжавшій возъ
Вмигъ раздавилъ ее.

— «Неблагодарность!»—
Дѣвица возразила.—Вы грубьянъ!
Такъ говорить со мной кто далъ вамъ право?
Кто вы такой? Убогий школьникъ! Фи!
Пожалуй, вы пришли-бъ на балъ безъ пряхекъ
Серебряныхъ на вашихъ башмакахъ,
Въ какихъ кузень посланника со мною
Сегодня протанцуетъ! И еще
Вы смѣете!..» И громоносной рѣчи
Не кончивши, стремительно она
Ушла къ себѣ...

А молодой ученый

Отправился домой и по пути
Ворчалъ: «Любовь, сознаться надо, штука
Дурацкая! Гораздо меньше въ ней,
Чѣмъ въ логикѣ, реальной пользы. Ею
Мы доказать не можемъ ничего,
И о такихъ вещахъ она трактуется,
Которыя не могутъ никогда
Исполниться, и вѣрить заставляетъ
Тому, что ложь. Вещь вообще она,
Лишенная практическаго смысла;
А такъ какъ быть практическимъ—въ нашъ вѣкъ
Главнѣйшее условіе, то снова
Я возвращусь къ занятіямъ философскимъ
И буду въ метафизикѣ искать
Серьезности и пользы...»

И пришедши

Въ свой кабинетъ, онъ съ толстой книги смелъ
Густую пыль и принялся за чтенье...

Черная революція.

(Политическое обозрѣніе).

Въ теченіе многихъ вѣковъ арену исторіи занимали однѣ только
бѣлыя націи. Онѣ были дѣятельною частью человѣчества, его жи-
вой душой и однѣ только жили, работали и завоевывали міръ; въ
то время какъ желтые народы спали непробуднымъ сномъ на руи-
нахъ своихъ застывшихъ цивилизацій, черное населеніе Африки
пребывало въ состояніи полу-звѣриной дикости, а мѣдно-красныя
племена Америки быстро вымирали отъ соприкосновенія съ куль-
турными выходцами Европы. Повидимому, исторія краснокожихъ
индѣйцевъ можетъ считаться уже законченною, такъ какъ тѣ не-
счастные остатки вымершихъ народностей, которые еще сохрани-
лись въ наиболѣе пустынныхъ частяхъ Сѣверной и Южной Аме-
рики, уже не обладаютъ ровно никакими шансами на возрожденіе
и на самозащиту отъ торжествующаго натиска бѣлыхъ. Недалеко
то время, когда отъ цѣлой расы останутся, быть-можетъ, только
одни преданія да охотничьи рассказы Майнъ-Рида и Купера,
прославляющіе героизмъ послѣднихъ могиканъ. Желтый міръ,
имѣвшій свою довольно высокую, но совершенно своеобразную
цивилизацию и прочную государственность, оказался благодаря ей
несравненно устойчивѣе полудикихъ майнъ-ридовскихъ героев. Онъ
сумѣлъ отстоять свою самостоятельность отъ Европы и, поэим-
ствовавъ у нея технику вооруженія и даже нѣкоторыя черты

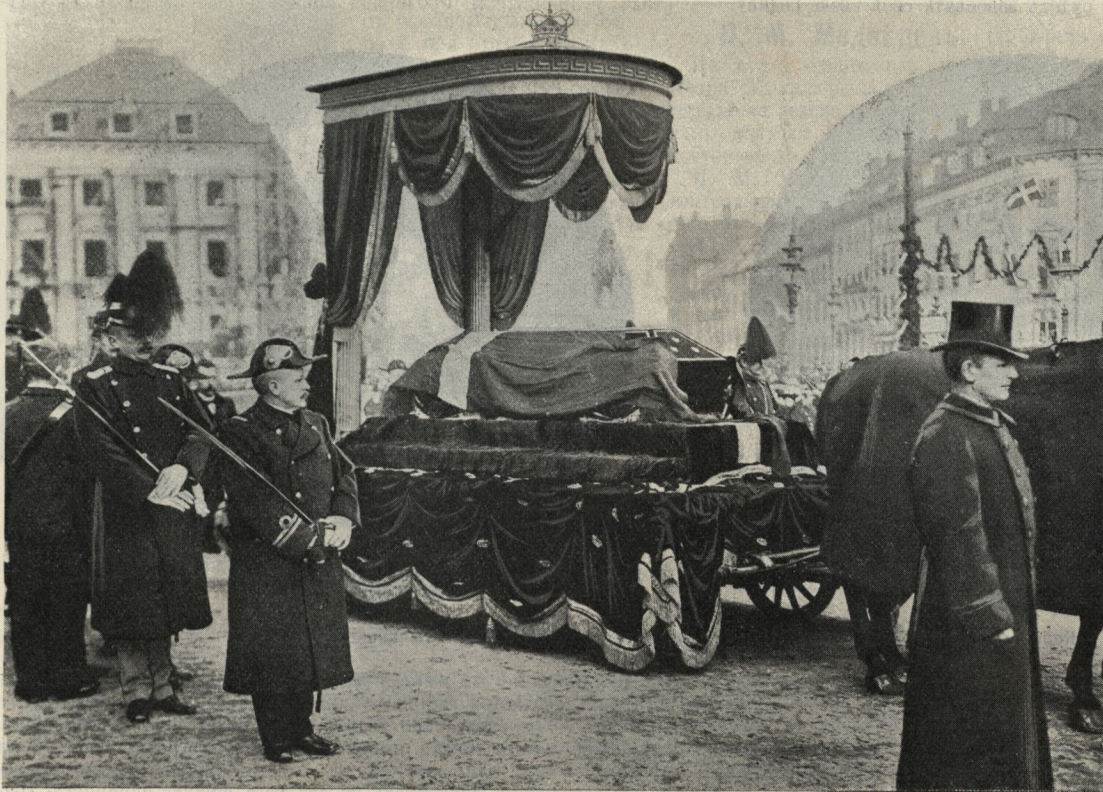
культурнаго государственнаго устройства, превратился въ грозную
могучую силу, заставляющую прозорливыхъ политиковъ Запада съ
внутреннимъ трепетомъ взирать на будущее Востока. Нѣсколько
десятилѣтій назадъ ни Китай, ни Японія—не были въ силахъ со-
противляться захватамъ предприимчивыхъ европейцевъ, но съ
одной стороны отдаленность этихъ странъ, затруднявшая по-
сылку болѣе или менѣе значительныхъ экспедицій, а съ другой—
сознаніе опасности всегда возможнаго энергичнаго сопротивленія
и нежеланіе рисковать неудачами въ борьбѣ съ колоссальнымъ
государствомъ, насчитывающимъ чуть не полмиллиарда поддан-
ныхъ,—все это заставляло даже англичанъ ограничиваться захва-
тами портовъ и окраинныхъ провинцій, не проникая внутрь таин-
ственныхъ царствъ Востока. Сравненіе участи китайцевъ и япон-
цевъ съ печальною судьбою вымершихъ краснокожихъ племенъ
даетъ намъ ясное представленіе о значеніи государственности
съ точки зрѣнія самосохраненія расы: та раса, которая не
успѣла организовать въ сколько-нибудь сильное многочислен-
ностью подданныхъ государство, на нашихъ глазахъ стерта съ
лица земли; та же, которая была застигнута бѣлыми пришельцами
уже политически организованной въ могучіе государственные
союзы, не только отстояла свое существованіе и свою независи-
мость, но стала даже грозой всей Европы.

Положеніе и судьба черной расы въ этомъ отношеніи еще
болѣе своеобразны. Мелкія племена всякихъ готентотовъ, бушме-

I рядъ снизу (справа направо): Л. В. Рейнгардъ, Н. М. Цытовичъ, М. Г. Курловъ, И. М. Занчевскій, И. И. Боргманъ, товарищъ министра П. П. Извольскій, министръ
народн. просвѣщ. графъ И. И. Толстой, товарищъ министра О. П. Герасимовъ, А. А. Мануйловъ, П. А. Вальтеръ, Г. Г. де-Менгъ, Н. М. Любимовъ.
II рядъ: Ф. Н. Крюгеръ, А. М. Гуляевъ, Е. В. Пассекъ, Е. В. Васильевскій, Н. М. Еубиновъ, Н. Я. Марръ, В. В. Шимкевичъ, Г. Ф. Вороной, В. А. Стекловъ, В. В. Кудре-
вецкій, Е. Ф. Карскій, А. И. Александровъ, П. А. Морозовъ, Ф. К. Гарлъ-Ромашкевичъ, В. М. Истринъ, В. А. Ротеръ, П. А. Никольскій, Д. И. Багалъй, А. М. Фонъ-
Бухомерингъ, Д. Н. Зерновъ, А. И. Садовскій.
III рядъ: Д. А. Гольдгаммеръ, И. М. Гревсъ, Д. Д. Гриммъ, М. П. Чубинскій, М. Я. Герраментъ, И. П. Сазоновичъ, М. А. Меназиръ, В. Я. Данилевскій, В. М. Хвостовъ,
А. В. Никитскій, И. А. Базоновъ.

Всероссійскій съѣздъ профессоровъ въ Петербургѣ. По фотогр. А. Моношкѣ, авт. «Нивы».

Похороны короля Христиана IX. Погребальная колесница на улицах Копенгагена.

новъ и пр.—находятся на низкомъ уровнѣ культуры и лишены объединяющей ихъ государственности, но рядомъ съ ними имѣется налицо республика чернокожихъ — Либерія и нѣсколько вполне независимыхъ арабскихъ государствъ. Цивилизующая роль на африканскомъ материкѣ принадлежитъ, съ одной стороны, американскимъ аболіціонистамъ, создавшимъ Либерійскую республику изъ освобожденныхъ отъ рабства негровъ, съ другой — фанатическимъ проповѣдникамъ Ислама, заставляющимъ негрскія племена объединяться въ государственные союзы подъ зеленымъ знаменемъ пророка, и наконецъ — европейцамъ, успѣвшимъ основать на югѣ, западѣ и востокѣ Африки цѣлый рядъ колоній, факторій и полунезависимыхъ государствъ. Въ поселеніяхъ европейцевъ негры заняли почти то же положеніе, въ какомъ они находятся въ Америкѣ — положеніе юридически свободныхъ рабовъ, челоѣческаго инвентаря земледѣльческихъ фермъ, грубой рабочей силы на золотыхъ промыслахъ, фабрикахъ, заводахъ и т. д. Въ отношеніи къ черному брату героическіе буры проявляютъ не меньше жестокости и слѣпого расоваго эгоизма, чѣмъ ихъ враги — англичане. Но подобно тому, какъ въ Америкѣ, такъ и на югѣ Африки, совмѣстное житье негровъ съ цивилизованными націями въ концѣ концовъ не могло не приобщить ихъ къ европейской цивилизаціи, хотя бы и въ качествѣ самаго безправнаго чернаго пролетаріата и земледѣльческаго полу-раба. Съ усвоеніемъ кое-какихъ культурныхъ понятій черные дикари начинаютъ спланиваться въ союзы, понемножку вооружаются европейскимъ оружіемъ и обнаруживаютъ желаніе отстоять свою расовую независимость. Возстаніе въ германскихъ колоніяхъ, несмотря на двухлѣтнюю войну и огромныя матеріальныя затраты, понесенныя германцами, до сихъ поръ окончательно не подавлено, хотя образцовый нѣмец-

кія войска потеряли уже въ борьбѣ съ чернокожими не одну тысячу воиновъ. Неудачи германскаго оружія германская печать объясняетъ тайными интригами Англіи, обильно снабжающей возставшихъ усовершенствованнымъ европейскимъ оружіемъ.

Но теперь и англійскимъ колоніямъ, повидимому, грозитъ та же неприятность. Последнія извѣстія изъ южной Африки имѣютъ очень тревожный характеръ. Высказываются опредѣленные опасенія относительно общаго возстанія черныхъ противъ бѣлыхъ. Туземцы настроены угрожающе и повсемѣстно отказываются платить подомовный налогъ. Нападеніе негровъ - христіанъ на полицію въ Наталь вызвало во всей южной Африкѣ общій переполохъ. Говорятъ, что негры возбуждаются къ возстанію черными же протестантскими миссіонерами изъ Америки. Главная опасность въ томъ, что негры вшестеро многочисленнѣе бѣ-

лыхъ въ Наталь, миссіонеры же еѳіопской церкви выставляютъ программу: «Африка для африканцевъ».

Растерявшееся правительство прибѣгаетъ къ самымъ крутымъ репрессіямъ. Всюду двинуты войска, но ихъ оказывается черезчуръ мало. Весь Наталь объявленъ на военномъ положеніи, создана милиція, сѣбно формируются дополнительные кавалерійскіе корпуса, въ ряды которыхъ призываются всѣ умѣющіе стрѣлять и ѣздить верхомъ. Для подавленія національнаго самосознанія черныхъ введена цензура надъ газетами и усилены мѣры полицейскаго надзора за чернымъ духовенствомъ. Всѣ эти мѣры могутъ только отсрочить въ будущемъ борьбу за политическую независи-

Король греческій Георгъ I.

Королева датская.

Королева англійская.

Король датскій Фредерикъ VIII.

Герцогъ Кумберлендскій.

Похороны короля Христиана IX. Группа прибывшихъ на похороны августѣйшихъ особъ.

мость плёлой расы. Она слишком живуча и сильна для того, чтобы исчезнуть с лица земли, как исчезли американские индейцы. Не желая умирать, она должна будет завоевать себя свою родину.

В срединѣ января, въ Біаррицѣ состоялось свиданіе испанскаго короля съ молодою принцессою, которая въ это время гостила у принцессы Фредерики Ганноверской, въ ея виллѣ «Му-

Король испанскій Альфонсъ XIII и его невѣста, принцесса Эна Баттенбергская.

Король Испаніи и его невѣста.

(Съ 2 портретами на этой страницѣ).

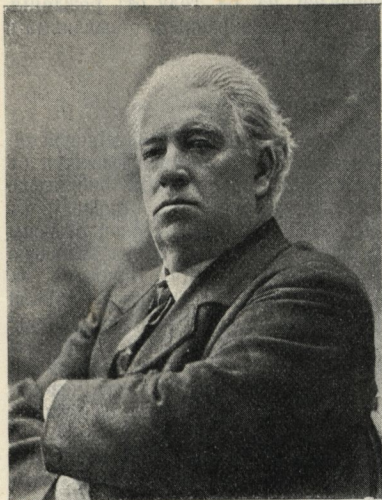
Въ непродолжительномъ времени ожидается официальное извѣщеніе о помолвкѣ испанскаго короля Альфонса XIII съ принцессою Эною Баттенбергской.

рisko». Свиданіе это имѣло рѣшающій характеръ, и теперь король Альфонсъ считается женихомъ принцессы Эны Баттенбергской.

Король почти ежедневно ѣздитъ въ Біаррицъ изъ С.-Себастьяна, гдѣ находится его лѣтняя резиденція. Поѣздки эти не лишены были оригинальности: для визитовъ къ своей невѣстѣ королю приходилось ежедневно пересѣкать по два раза франко-испанскую гра-

Къ выборамъ въ Государственную Думу въ Москвѣ. Запись избирателей въ московской городской думѣ.

Артист П. М. Медвѣдев
(† 30 января с. г.).

ницу. Ыздили онъ на автомобиль, причѣмъ управлялъ имъ лично и съ большою ловкостью. Королю при этихъ поѣздкахъ разрѣшалась огромная, недоступная простымъ смертнымъ скорость: его автомобиль дѣлаетъ до 50 километровъ въ часъ, такъ что весь путь отъ Биаррица до С.-Себастьяна онъ пробѣгаетъ въ какія-нибудь $\frac{3}{4}$ часа. На всемъ пути расположена охрана изъ мѣстныхъ жандармовъ. Курьезнѣе всего то, что на обязанности этихъ же жандармовъ лежитъ составленіе протоколовъ и привлеченіе къ отвѣтственности пробѣгающихъ за чрезчуръ быструю ѣзду!

Царственные женихъ и невеста оба еще очень молоды.

Король Альфонсъ XIII, сынъ Альфонса XII, родился въ Мадридѣ въ 1886 году. До 1902 года онъ, какъ известно, находился подъ регентской опекой своей матери—королевы Христины.

Принцесса Эна (Викторія-Евгенія) Баттенбергская—дочь нынѣ покойнаго принца Генриха Баттенбергскаго, родилась въ 1887 году. Ея отецъ принадлежалъ къ мorganатической вѣтви Гессенскаго великогерцогскаго дома и былъ женатъ на дочери англійской королевы Викторіи. Принцесса Эна, такимъ образомъ, приходится внучкой покойной королевы, которая очень любила ее и оставила ей миллионное состояніе.

Принцесса Эна отличается даровитостью, прекраснымъ характеромъ, счастливой наружностью и получила превосходное образованіе.

Похороны короля Христіана IX. (Съ 2 рис. на стр. 125).

5 февраля датчане похоронили въ древней столицѣ Даніи, Роскильдѣ, своего престарѣлаго короля.

Погребенію предшествовало торжественное всенародное перенесеніе останковъ покойнаго изъ Копенгагена въ эту старинную столицу, представляющую въ настоящее время скромный и тихій провинціальный городокъ.

3 февраля, въ день перенесенія тѣла, Копенгагенъ принялъ необычный видъ. Дома были задранированы траурной матеріей, на улицахъ толпились несмѣтными массами горожане, и стройно стояли въ шеренгахъ различныя фрейны—военныя, студенческія, чиновничьи и проч.

Въ 12 часовъ дня траурный кортежъ съ королевскимъ гробомъ двинулся изъ дворцовой церкви въ Христіаншлотъ на вокзалъ. Въ процессіи участвовали коронованныя особы: Государыня Императрица Марія Теодоровна, королева англійская Александра, короли датскій и греческій, герцогъ Кумберлендскій и представители иностранныхъ государей. Кортежъ тихо двигался по улицамъ среди несмѣтной толпы подъ звуки колоколовъ и пушечныхъ выстрѣловъ.

Въ часъ дня процессія прибыла на вокзалъ желѣзной дороги, а около двухъ часовъ тихо отошелъ траурный поѣздъ въ Роскильде. Перѣздъ туда тянулся недолго, и въ три часа пополудни останки покойнаго короля были уже въ древней столицѣ. Офицеры, сопровождавшіе тѣло, внесли гробъ въ соборную церковь и поставили на катафалкъ у алтаря.

Послѣ небольшой проповѣди соборнаго настоятеля, посвященной памяти почившаго короля, былъ прочтѣн хоралъ, а затѣмъ къ гробу приблизились члены королевской фамилии и августѣйшія особы и, опустившись на колѣни, приложились къ королевскимъ останкамъ. Этимъ трогательнымъ обрядомъ завершилось перенесеніе тѣла.

5 февраля состоялось погребеніе.

Вокругъ гроба, покрытаго мантией ордена Данеброга, стали офицеры, камергеры и кавалеры высшихъ орденовъ. Прибыла королевская чета и августѣйшія лица, среди которыхъ былъ на этотъ разъ и германскій императоръ.

Епископъ Рердамъ произнесъ проповѣдь; затѣмъ гробъ, при пѣніи хорала, былъ поднятъ восемью офицерами высшихъ чиновъ и перенесенъ въ часовню, гдѣ его и опустили въ склепъ. Придворный проповѣдникъ Паулли произнесъ надъ гробомъ краткую рѣчь и совершилъ обрядъ погребенія. Опять зазвучалъ хоралъ, загремѣли пушечныя выстрѣлы расположенной близъ собора батареи—и этимъ прощальнымъ салютомъ печальный обрядъ закончился. Въ 4 часа всѣ присутствовавшіе на погребеніи лица уже отбыли обратно въ Копенгагенъ.

Мѣсто погребенія покойнаго короля сдѣлалось теперь національною святыней датчанъ. Въ Роскильдѣ предпринимаются многочисленные паломничества—и за одну недѣлю здѣсь перебивалось бо-

лѣ 20.000 человекъ. На гробъ короля возложено много вѣнковъ, среди которыхъ выдѣляется и привлекаетъ всеобщее вниманіе золотой вѣнокъ, присланный далекой Исландіей.

П. М. Медвѣдевъ. (Портретъ на этой страницѣ).

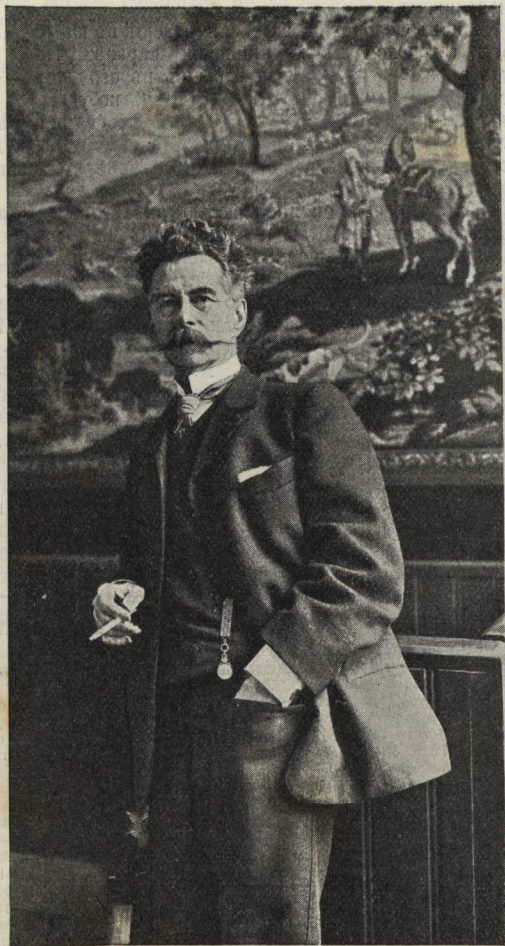
Не стало одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ артистовъ, Петра Михайловича Медвѣдева. Въ его лицѣ русская сцена потеряла не только прекраснаго актера, но и усерднаго и талантливаго дѣятеля по насажденію настоящаго, чистаго и честнаго искусства въ провинціи.

П. М. Медвѣдевъ—это цѣлая глава въ исторіи русскаго театральнаго искусства. Начавъ свою артистическую карьеру еще въ то время, когда театръ считался только развлеченіемъ, забавой отъ бездѣлья для богатыхъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ, П. М. Медвѣдевъ способствовалъ возникновенію и процвѣтанію театра общественнаго, служащаго не только для развлеченія, но и для культурнаго развитія широкихъ общественныхъ круговъ. Достаточно сказать, что наша провинція (въ особенности Пенза), только благодаря П. М. Медвѣдеву, познакомилась съ оперой. За покойнымъ артистомъ навсегда останется слава замѣчательнаго организатора театральнаго дѣла и превосходнаго антрепренера, умѣвшаго какимъ-то чутьемъ находить талантливыхъ актеровъ и актрисъ. Недаромъ П. М. Медвѣдева въ шутку называли «Юанномъ Калитою театральнаго Руси». Подобно историческому Калитѣ, заслужившему прозваніе «собирателя земли русскою», покойный П. М. собиралъ и устраивалъ русскій театръ. Въ числѣ отысканныхъ и «собранныхъ» имъ талантовъ были такіе, напримѣръ, звѣзды первой величины, какъ Савина, Стрепетова, Кадыгина, Писаревъ, Макшеевъ, Давыдовъ. Всѣ они въ свое время работали въ труппѣ у П. М. Медвѣдева, и всѣхъ ихъ онъ «вывелъ въ люди»...

П. М. родился въ 1837 году въ Москвѣ. Дѣдъ и тетка его принадлежали къ театральнаго семьи, и самъ онъ съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ театру. Девяти лѣтъ онъ поступилъ въ театральное училище, гдѣ его, впрочемъ, обучали, главнымъ образомъ, танцамъ, къ которымъ онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ способностей.

Дебютировалъ П. М. въ тульской труппѣ безызывѣстнаго въ свое время Никулина, которому онъ представился «въ зеленомъ пиджакѣ бильярднаго сукна, въ бѣлыхъ невыразимыхъ, съ яркимъ фуляркомъ и въ отцовской шляпѣ». Никулинъ принялъ столь франтовски одѣтаго юношу къ себѣ на службу и назначилъ ему огромное по тому времени жалованье—15 р. въ мѣсяцъ. Съ этого и началась театральная карьера П. М. Медвѣдева.

Гдѣ только онъ ни перебивалъ потомъ? По разсказамъ покойнаго, онъ ходилъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Могилевъ съ 1 р. 20 к. въ карманѣ, совершенно такъ же, какъ ходили Аркадій Счастливецъ и Геннадій Несчастливцевъ! Подвизался онъ и въ Волочкѣ, и въ Динабургѣ, и въ Казани, и въ Саратовѣ, при чемъ не только въ драмахъ и водевиляхъ, но и въ оперѣ! Антрепренерская дѣятельность П. М. Медвѣдева началась въ 60-хъ годахъ въ Саратовѣ, гдѣ сгорѣлъ театръ и бѣжалъ антрепренеръ. П. М. собралъ о сиротѣвшихъ товарищей, повелъ дѣло на товарищескихъ началахъ, снявъ театръ въ Пензѣ, и въ скоромъ времени

Академикъ живописи С. О. Александровскій
(† 1 февраля с. г.). По фот. Рентца и Шрадера.

исполнѣ «оправдалъ свое дѣло». Позднѣе онъ сталъ антрепренер-ствомъ уже по-настоящему, держалъ драму, оперу и оперетку, и дѣла у него пошли блестяще. Впрочемъ, ему нѣрѣдко приходилось бороться съ косностью, невѣжествомъ и тупостью провинціаль-ныхъ обывателей. Такъ, напримѣръ, въ Казани у него однажды не могъ состояться оперный спектакль только по той причинѣ, что наканунѣ по городу ходилъ какой-то пророкъ и предсказывалъ, что завтра театръ провалится сквозь землю. Предсказаніе имѣло поразительный эффектъ: ни одинъ человѣкъ не пошелъ въ этотъ день въ театръ, и спектакль пришлось отменить. «А я еще и оперу поставилъ интересную—«Норму»!»—жаловался П. М.

Въ 1883 году П. М. Медвѣдевъ появился въ Петербургѣ, а въ 1888 году былъ приглашенъ на Императорскую сцену въ Александринскій театръ, гдѣ сначала былъ главнымъ режиссеромъ, а затѣмъ однимъ изъ главныхъ драматическихъ артистовъ.

Покойный былъ незамѣнимъ въ пьесахъ Островскаго. Онъ хорошо зналъ дореформенное время и дореформенные типы, и едва ли не одинъ изъ современныхъ артистовъ умѣлъ изображать ихъ. Хорошій комикъ съ мягкимъ, благороднымъ стилемъ, онъ часто возвышался въ своемъ комизмѣ до трагической черты. Лучшими его ролями, по справедливости, считались: городничій въ «Ревизорѣ», Беневоленскій въ «Бѣдной Невѣстѣ» и Градобоевъ («Сердце не камень»).

Въ октябрѣ 1903 года праздновался 50-лѣтній юбилей покойнаго. Въ послѣдній же разъ на сценѣ онъ появился 22 декабря прошлаго года. Съ этого времени онъ занемогъ и уже не покидалъ постели.

Старые мотикане русской сцены уходять одинъ за другимъ. Грустно хоронить ихъ!

С. О. Александровскій.

(Портретъ на стр. 127).

1-го февраля скончался извѣстный художникъ С. О. Александровскій.

Русскій художественный міръ понесъ въ его лицѣ весьма крупную потерю. Покойный былъ талантливый и популярный художникъ, произведенія котораго высоко цѣнились въ публикѣ. Но этого мало: онъ былъ энергичный общественный дѣятель въ средѣ самихъ художниковъ; С. О. Александровскій является однимъ изъ главныхъ учредителей Общества русскихъ акварелистовъ, и на выставкахъ, устраивавшихся этимъ Обществомъ, онъ былъ постояннымъ и выдающимся участникомъ.

Степанъ Федоровичъ Александровскій въ юные годы готовился къ медицинской карьерѣ. Но судьба разсудила иначе и, вложивъ въ его душу непреодолимое влеченіе къ искусству, побудила его посвятить себя живописи. Въмѣсто медицинскаго факультета С. О. Александровскій поступилъ въ Академію художествъ, и въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе своихъ учителей—профессоровъ.

Избравъ своей специальностью акварель, а темами для своихъ произведеній—портреты и головки, онъ часто экспонировалъ свои работы на академическихъ выставкахъ и получилъ въ 1861 году серебряную медаль за свой собственный портретъ. Въ 1868 году С. О. Александровскому было присуждено званіе класснаго художника за акварельные портреты г-жи Макъ и кн. Мещерской. Въ 1874 году за портретъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля, бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, покойный художникъ получилъ званіе академика портретной и акварельной живописи.

С. О. Александровскій былъ художникъ, безусловно, крупный, несмотря на ограниченную сферу своего творчества. Его портреты дышали жизнью и отличались колоритностью и какой-то особенной, свойственной ему одному, элегантностью и изяществомъ рисунка. Покойный поэтому всего охотнѣе писалъ женскія головки и дамскіе портреты, и даже считался какъ бы специально дамскимъ портретистомъ. Тонкая и изящная кисть его была наиболѣе кстати именно для такого рода художественной дѣятельности.

Генераль-лейтенантъ С. К. Гершельманъ, новый командующій войсками московскаго военнаго округа.

С. О. Александровскій скончался на 64 году отъ рожденія, оставивъ по себѣ добрую память, какъ прекрасный, отзывчивый и добрый человѣкъ и хорошей товарищъ.

Дуэль. (Рис. на стр. 116).

Вопросу о дуэли посвящено множество страницъ въ мировой литературѣ. Дуэль обсуждалась тысячу разъ и съ религіозной, и съ юридической, и съ бытовой точки зрѣнія, и прибавимъ—не только обсуждалась, но и осуждалась. Въ религіозномъ отношеніи къ дуэли примѣнялась заповѣдь: «Не убій». Съ юридической стороны дуэль всегда рассматривалась, какъ посягательство на тѣлесную неприкосновенность въ видѣ особаго преступленія. Наконецъ, въ бытовомъ отношеніи взглядъ на дуэль хотя и отличается крайней противоположностью, хотя и существуетъ до сихъ поръ упорное убѣжденіе во многихъ кругахъ, что «оскорбленіе должно смываться кровью», но всетаки существуетъ и отрицательный взглядъ на дуэль: кровь никогда ничего не смываетъ, она обогащаетъ человѣческія руки несмываемымъ пятномъ, и убійство хотя и на дуэли—все равно убійство.

Этотъ послѣдній взглядъ все болѣе и болѣе укореняется въ обществѣ, по мѣрѣ развитія въ немъ культурныхъ началъ. За границей возникаютъ цѣлыя лиги антидуэлистовъ, безусловно осуждающихъ поединковъ, какъ способъ реабилитаціи чести.

Къ сожалѣнію, такой взглядъ на дуэль находитъ мало отголосковъ въ законодательствѣ. Несмотря на отрицательное отношеніе къ ней со стороны юристовъ, законы относятся къ дуэли несравненно снисходительнѣе, чѣмъ ко всякимъ другимъ тѣлеснымъ посягательствамъ. Мало того: военное законодательство даже узаконило дуэль.

Воспроизводимая въ настоящемъ № «Нивы» эффектная картина художника Тампля служить иллюстраціей къ этому кровавому предрасудку, такъ тѣсно связанному съ ложными понятіями о чести.

Отборка жемчуга.

(Рис. на стр. 117).

Жемчугъ добывается, какъ извѣстно, путемъ грудной и опасной ловли: ловцы опускаются прямо на дно моря и собираютъ тамъ раковины, оставаясь въ теченіе 50—90 секундъ безъ воздуха и подвергаясь опасности запутаться въ водоросляхъ, или попасться на зубы акулъ.

Выловленные раковины, обыкновенно, оставляютъ гнить на берегу, и жемчугъ вынимаютъ изъ нихъ только послѣ того, какъ слизнякъ совершенно погибнетъ. Затѣмъ жемчужины подвергаются отбѣранію и чисткѣ. Такъ какъ онѣ представляютъ собою цѣнный товаръ, то надъ рабочими, которые занимаются этою операціей, устанавливается строгій надзоръ. На нѣкоторыхъ промыслахъ ихъ запираютъ въ отдѣльныя камеры и превращаютъ въ настоящихъ тюремныхъ узниковъ.

Смѣсь.

За 1 р. 80 к. спасете человѣка. —Соединенная организація с.-петербургскихъ обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожаа обращаетъ вниманіе добродѣтельныхъ жертвователей на ужасы наступившаго голода. Въ пострадавшихъ губерніяхъ распространяется въ страшномъ размѣрѣ голодный тифъ. Умираютъ главнымъ образомъ дѣти до 11 лѣтъ. За 60 коп. въ мѣсяцъ можно дать ребенку въ теченіе мѣсяца горячій школьный завтракъ; за 1 р. 80 коп. возможно прокормить человѣка въ продолженіе мѣсяца. Пожертвованія деньгами или почтовыми марками принимаются ежедневно въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Петербургъ, Мойка, 85, у Синяго моста).

Пожертвованія.

По 31-е января 1906 г. включительно прислали въ редакцію пожертвованія: **Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа:** М-ме Marie de Mezenhoff 6 р. 50 к.; по 5 р.: А. Л. Ширяева, Ф. И. Некрашъ; по 3 р.: Добкинъ, И. Иванковъ; по 2 р.: М. Н. Гинзбургъ и подписчикъ „Нивы“; В. Бережновъ 1 р. 85 к.; **ученики** Дуэлятинск. муж. прих. учил. 1 р. 64 к.; Д. Б. 1 р.; свѣд. о. Е. 1. Бирюковъ 50 к. Итого 31 р. 40 к. и процентомъ 1 р. 03 к., а всего съ прежде поступившими 72 р. 43 к., каковая сумма 31 января с. г. сдана въ Императорское Вольно-Экономическое Общество подъ квнт. за № 344.

Въ пользу вдовъ и сиротъ: Тоня, Ная и Сама М. 50 р.; А. С. Чернышевъ 10 р. Итого 60 р., а съ прежде поступившими пожертвованіями на разныя надобности по случаю войны 19.454 р. 70 к. (см. № 42 „Нивы“ 1905 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Урокъ. Повесть Бор. Лазаревскаго. (Окончаніе). — Стихотвореніе Соловей и Роза. Переводъ Петра Вейнберга. — Черная революскій. — Дуэль. — Отборка жемчуга. — Смѣсь. — Пожертвованія. — Объявленія.

РИСУНКИ: Баядерка. — Дуэль. — Отборка жемчуга. — Остатки послѣ зимовки. — Къ серебряной свадьбѣ германской императорской четы. 1) Августа-Викторія, Императрица Германская. 2) Вильгельмъ II, Императоръ Германскій. — Всероссийскій съѣздъ профессоровъ въ Петербургѣ. — Похороны короля Христіана IX: 1) Погребальная колесница на улицахъ Копенгагена. 2) Группа августѣйшихъ особъ. — Король испанскій Альфонсъ XIII и его невѣста, принцесса Эна Баттенбергская. — Къ выборамъ въ Государственную Думу въ Москвѣ. — П. М. Медвѣдевъ. — С. О. Александровскій. — Генераль-лейтенантъ С. К. Гершельманъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 14.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. просп., № 29.

Изд. А. Ф. Маркса, СПб., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

